

ПРИНЦИП ОБРАТНОГО ОТСЧЕТА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Принцип обратного отсчета

«Автор»

2026

Патрушев С.

Принцип обратного отсчета / С. Патрушев — «Автор», 2026

Марк — циничный IT-архитектор, предавший команду и присвоивший их общую разработку. Однажды утром он находит на пороге чёрный кейс с планшетом. На экране — таймер обратного отсчёта и послание: «Когда дойдёт до нуля, умрёт невиновный. Ты уже знаешь, кто». Остановить алгоритм невозможно: его писала та самая команда, которую Марк обрёк два года назад. Каждый неверный шаг ускоряет таймер, каждое действие запускает цепную реакцию смертельных случайностей. Чтобы спасти невиновного, Марку придётся расшифровать логику безжалостной системы и совершить поступок, который не способен предсказать ни один компьютер. Технотриллер о вине, искуплении и цене предательства в мире, где алгоритмы решают, кому жить.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Точка невозврата (Т-72 часа)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Принцип обратного отсчета

Глава 1: Точка невозврата (Т-72 часа)

Проклятый звук. Он проникал повсюду. Низкий, вибрирующий гул, который не мог заглушить даже шум воды, дробящейся о кафель. Марк стоял под обжигающими струями душа, уперевшись лбом в прохладную стену, и чувствовал, как этот звук просачивается сквозь пар, сквозь толщу височной кости, добираясь до того глубокого, рептильного участка мозга, который миллионы лет эволюции отточили для единственной цели — сигнализировать об опасности. Телефон. Вибрация о стеклянную полку. Семь часов утра, среда. День, обещавший быть таким же стерильным и предсказуемо бессмысленным, как и триста предыдущих дней, слившихся в одно серое, монотонное полотно существования.

Он выключил воду, не открывая глаз, и привычным движением нащупал полотенце — египетский хлопок, плотный, влагопоглощающий, одна из тех маленьких дорогих вещей, которые он позволял себе без счета, пытаясь заткнуть ими зияющую пустоту внутри. Терпеть не мог это чувство — самый первый утренний контакт с реальностью. Холодный, искусственный воздух квартиры, отфильтрованный и доведенный системой климат-контроля до стерильности операционной. Вибрация телефона наконец смолкла, оставив после себя только звон в ушах. И воцарилась тишина. Густая, вязкая, как вакуум в дорогой шумоподавляющей гарнитуре, которую он сам спроектировал три года назад для одной амбициозной оборонной программы. Тишина, которую он покупал за баснословные деньги, звукоизолируя стены этого пентхауса, теперь казалась ему не роскошью и не благословенным покоем, а симптомом. Клиническим симптомом запущенной болезни одиночества, искусно маскирующейся под жизненный успех.

Он натянул брюки, не застегивая ремень, и машинально, отработанным до автоматизма ритуалом, прошел на кухню. Кофемашина приветствовала его тихим, почтительным шипением, выплевывая идеальную пену в подогретую керамическую чашку ручной работы. Черный, без сахара, двойной эспрессо. Интерфейс умного дома, вмонтированный прямо в стеновую панель из матового стекла, услужливо вывел на экран графики его сна, вариативность сердечного ритма, уровень кортизола и насыщение крови кислородом. Цифры были откровенно паршивыми. Марк усмехнулся краешком губ, даже не потрудившись взглянуть на всплывшие рекомендации системы «снизить уровень стресса» и «обратиться к специалисту по ментальному здоровью». Он сам писал алгоритмы для этой хреновины, и знал, что все ее советы — это просто усредненные данные из медицинских справочников, обернутые в красивую визуализацию. Стресс был единственным топливом, которое еще не давало ему уснуть окончательно, превратиться в аморфную биомассу, пассивно переваривающую информационные потоки. Стресс, раздражение, цинизм — вот три кита, на которых держалась его продуктивность.

Сделав первый глоток, он поморщился. Кофе показался горьким, пережженным, хотя машина работала в штатном режиме. Может, дело было не в кофе, а в рецепторах. Может, его тело начинало отторгать даже те немногие удовольствия, которые он себе оставил.

В дверь позвонили.

Палец замер в миллиметре от сенсорной панели чайника. Звонок был механическим. Старым, дребезжащим, с той особой, надтреснутой гармоникой, которую издают только аналоговые звонки в домах, где еще не завелись консьержи с биометрическими сканерами сетчатки и голосовыми идентификаторами. Марк не пользовался этим дверным звонком уже года два. Курьеры оставляли заказы в стерильном постамате на первом этаже, их дроны даже не поднимались на жилые уровни. Гости... а гостей не было. Консьерж не пропустил бы никого без предварительного звонка на внутренний коммуникатор, но коммуникатор хранил гробовое молчание.

Звонок повторился. На этот раз настойчивее, дольше, с каким-то истеричным дребезжанием в конце, будто звонивший не убрал палец с кнопки до последнего.

Марк почувствовал, как напрягаются мышцы вдоль позвоночника — от копчика до самой шеи. Внутренний аналитик, тот самый талант, что позволял ему видеть уязвимости в самом совершенном программном коде и в самом защищенном человеческом сознании, пробудился мгновенно, стряхнув с себя утреннюю апатию. Ошибка системы? Сбой в многоуровневом протоколе безопасности периметра? Или, что гораздо хуже, нечто извне, намеренно обошедшее все его хитроумные защитные рубежи? Он отбросил мысль о прошлом, едва она мелькнула. Прошлое было похоронено под многотонными слоями юридических соглашений, отступных, акций и тотальной занятости. Он сам залил его бетоном и поставил сверху памятник своему нынешнему успеху. Оно не могло воскреснуть. Оно не должно было воскреснуть.

Ступая босиком по теплomu, матово поблескивающему дубу паркета, он пересек гостиную — огромное пространство, залитое серым утренним светом из панорамных окон во всю стену. Вид на город был великолепен и безжизнен, как картина в музее. У двери остановился, бросил быстрый, цепкий взгляд на экран видеофона, вмонтированный в стену рядом с дверным косяком. Экран был черным. Абсолютно, непроницаемо черным. Ни ряби, ни битого пикселя, ни строчки служебной информации. Он был отключен. Физически. Или программно, но на таком глубоком уровне, что система диагностики не могла этого зафиксировать. Марк нахмурился. Это было невозможно. Он сам проектировал резервные контуры питания для этой квартиры, с тройным дублированием и гео-резервированием. Чтобы вырубить камеру в его двери, нужно было обесточить весь этаж, либо иметь физический доступ к распределительному щитку в защищенной серверной. Ни того, ни другого не могло случиться без немедленного оповещения на его персональный коммуникатор, браслет и дублирующий пейджер.

Рука сама, рефлекторно, легла на холодный металл дверной ручки. Он не боялся. Страх как базовая эмоция атрофировался в нем много лет назад, вытесненный едким цинизмом и всеобъемлющей, выжигающей внутренности усталостью. Осталось только жгучее, почти детское любопытство — то самое чувство, что испытывает патологоанатом, делая первый надрез и предвкушая, что скрывается под покровом обыденности. Марк решительно распахнул дверь.

На дорогом шерстяном коврике перед порогом, ровно посередине, стоял черный кейс.

Никого. Лестничная площадка была пуста. Стерильный, бездушный свет светодиодных панелей, панели дорогого искусственного шпона на стенах, идеальная, почти медицинская чистота. И этот кейс. Абсолютно черный, без единой царапины, без наклеек, без гравировки, без каких-либо опознавательных знаков или серийных номеров. Матовый пластик, или, может быть, крашеный алюминий, поглощающий свет, как поверхность сингулярности. Он не отражал, он именно поглощал. Стоял как неопровержимый факт, как гранитный надгробный

камень в миниатюре, перенесенный сюда чьей-то злой волей. Изделие явно не для масс-маркета. Такие вещи делают под заказ, с применением композитных материалов, для перевозки точного оборудования. Военного, научного, или специального.

Марк оглянулся через плечо, инстинктивно сканируя пустой коридор на предмет скрытого наблюдения. Никого и ничего. Он присел на корточки, не переступая порога, как зверь, изучающий ловушку. Тонкая, филигранная работа. Петли утоплены в корпус, замки — две магнитные защелки сложной конфигурации, открывающиеся синхронно при нажатии на скрытые сенсоры. Кейс не был заперт. Или, точнее, он был заперт на него. На Марка. На его биометрию, на его любопытство, на его гребаный синдром Бога.

Он знал, что совершает ошибку. Знал, что любое неопознанное устройство в том мире, где он вращался, — это потенциальный вектор атаки, троянский конь в чистом виде. Но профессиональная деформация, подкрепленная годами безнаказанности и ощущением собственного интеллектуального превосходства, пересилила все протоколы безопасности. Марк протянул руку и взял кейс за удобную, эргономичную ручку. Тяжелый. Килограмма четыре, не меньше. Он занес его в квартиру и аккуратно поставил на журнальный столик из дымчатого стекла. Секунду стоял неподвижно, глядя на него сверху вниз, потом провел кончиками пальцев по безупречным краям, ощупывая стыки. Никаких швов. Монолит. Идеальная подгонка деталей, недостижимая для ширпотреба. Затем он одновременно нажал на две едва заметные, подсвеченные инфракрасным светом точки по бокам. Крышка с тихим, змеиным шипением, словно в корпусе был вакуум или инертная газовая среда, мягко приподнялась на бесшумных микролифтах. Внутри, в анатомическом ложементе из плотного, серого поролона с закрытыми порами, лежал планшет.

Обычный, на первый, беглый взгляд, девайс. Тонкий, черный, без логотипов и опознавательных знаков, он выглядел как миллионы других планшетов. Экран был включен. Никаких приветственных заставок, никаких иконок приложений, никаких навязчивых обоев. Только девственно-белый фон, а на нем — крупные, моноширинные, безжалостные в своей минималистичной простоте цифры. Обратный отсчет.

72:00:00.

72:00:00.

72:00:00.

Пока он смотрел, затаив дыхание, секунды не шли. Таймер ждал. Чего? Его касания? Его вербального или мысленного согласия на участие в этом жестоком спектакле? В самом низу экрана, под цифрами, была строка текста. Белые буквы на чуть более светлом, молочном фоне, так что прочитать их можно было, только наклонившись и изменив угол зрения. Слова были набраны тем самым моноширинным шрифтом, который используют системные администраторы, и от этого они выглядели не как человеческое послание, а как директива операционной системы.

«Когда дойдет до нуля, умрет невиновный. Ты уже знаешь, кто».

Первая мысль была рефлексорной, трусливой и какой-то жалкой: «Реклама». Какая-нибудь идиотская, бездарная вирусная промо-акция нового техно-триллера или игры в аль-

тернативной реальности с высоким бюджетом. Креативщики-недоумки из маркетинга решили пощекотать нервы пресыщенной элите, закинув им дорогой хлам в стиле «унбоксинга». Но эта мысль умерла, не прожив и секунды. Она разбилась о физическую фактуру планшета, о специфический запах нового пластика кейса, о гробовую, звенящую тишину, которая теперь казалась не вакуумом, а затишьем перед взрывом. И о слова. Особенно о последних словах. «Ты уже знаешь, кто».

Марк не любил прошлое. Он его отформатировал, как битый жесткий диск. Быстро, без возможности восстановления. Он сменил город, компанию, лицо в зеркале — благо, пластическая хирургия и деньги позволяли стереть с лица следы усталости и прежних сомнений. Но память — это не жесткий диск, её нельзя отформатировать командой быстрого стирания. Можно лишь многократно перезаписать сектора, надеясь, что старая, ядовитая информация не пробьется сквозь новую, гляцевую оболочку. И сейчас она пробивалась. Черные, маслянистые, как этот кейс, тени прошлого, которые он считал навеки упокоенными.

Он схватил планшет. Жадно, порывисто, словно это был враг, которого можно задушить голыми руками, раздавить, сломать ему хребет. Экран мгновенно отреагировал на прикосновение, но интерфейс не изменился. Только в самом верхнем, правом углу, на границе видимого спектра, появилась крошечная, едва заметная невооруженным глазом пиксельная точка. Она пульсировала с частотой человеческого пульса. Марк знал этот знак. Он сам его придумал много лет назад, когда они еще были командой. «Глаз». Так они помечали свои сырые, альфа-сборки кода. «Альфа-сборка, контроль целостности», «Око Саурана», «Смотрящий» — у них было много имен для этой крошечной индикаторной точки, и каждое вызывало теперь приступ тошноты.

Сердце ударило в ребра тяжело и глухо, как кувалда по бетонной плите. Нет. Этого не может быть.

Он перевернул планшет, ища хоть какую-то зацепку, технологический шов, сервисный порт. Задняя крышка была глухой, монолитной, без единого винта или защелки. Никаких следов вмешательства. Бросился к своему рабочему столу — огромной конструкции из карбона и алюминия, смахнул на пол стопку никому не нужных бумаг, включил основной терминал. Два гигантских изогнутых монитора ожили, окатив его лицо мертвенным синим светом, заставив зрачки сузиться до точек. Пальцы забегали по механической клавиатуре, привычным движением подключая планшет через USB-хаб четвертого поколения с аппаратным перехватчиком трафика и изоляцией сигнала. Система определила устройство как «Nexus-7X» — стандартный, ничем не примечательный азиатский девайс, но серийный номер, который высветился в графе идентификации, был нулевым. Физически нулевым. Последовательность из одних нулей. Так не бывает в природе. Это было сделано намеренно, на уровне низкоуровневой прошивки контроллера. Это была насмешка. Подпись.

Он запустил агрессивный сканер портов, параллельно пытаясь прощупать периметр операционной системы. Планшет молчал. Он вообще не подавал никаких признаков сетевой активности. Ни Wi-Fi, ни Bluetooth, ни NFC, ни скрытого мобильного модема. Абсолютный, герметичный цифровой изолят. Но таймер шел. Марк с ужасом увидел, как в момент подключения к терминалу отсчет запустился. Он больше не ждал. 71:58:03. 02. 01. Он запустился в тот момент, когда планшет был извлечен из кейса и зафиксировал изменение освещенности и, вероятно, пульс владельца. Автономный, замкнутый на себя контур. Как ядерный чемоданчик президента, для работы которого не нужна связь со штабом.

Марк запустил тяжелый пакет для реверс-инжиниринга прошивки. Попытался пробиться через загрузчик, используя уязвимости нулевого дня, о которых знал только он и еще пара человек на планете. И вот тут его накрыло по-настоящему. Волна жара сменилась ледяным холодом, который сковал внутренности.

Он увидел структуру кода. Архитектуру. Это был не просто знакомый почерк. Это был его собственный почерк, улучшенный, мутировавший, искаженный до неузнаваемости, но с сохранением той самой, уникальной ритмической структуры, которую ни с чем не спутаешь. Они взяли его старые наработки, тот самый проект «Прометей», который он когда-то считал своим *opus magnum*, венцом своего гения, и довели его до абсолютного, пугающего совершенства. Но изменили главный вектор. Если «Прометей» должен был защищать, предугадывать и предотвращать, то эта штука... она была спроектирована, чтобы нести одно-единственное сообщение. Не информацию. Смерть.

Ядро системы было обернуто в слои шифрования, которые он узнавал с мучительной, режущей ностальгией. Это было похоже на встречу с призраками в заброшенном доме. Вот этот элегантный, избыточный модуль проверки целостности с кучей необязательных, но красивых проверок, похожий на ирландское кружево, писала Рита. Он помнил, как они спорили об оптимизации, и она настояла на своем, сказав, что «безопасность должна быть красивой, иначе люди не будут ей доверять». А вот этот — ядреный, жесткий, бьющий по процессору напрямую, в обход всех программных абстракций, с использованием ассемблерных вставок, — это был стиль Влада. Влад всегда говорил с мрачной, волчьей усмешкой: «Код должен быть злым, если он защищает добро. Абсолютно злым и беспощадным». Тогда они смеялись над его максимализмом, закатывали глаза, но уважали. И наконец, общая архитектурная логика, способ взаимодействия модулей — это был Егор. Его гениальный, парадоксальный ум, который видел систему не как набор компонентов, а как единый организм, где каждая клетка знает о состоянии целого.

Марк отшатнулся от стола, с грохотом откатившись в эргономичном кресле на другой конец комнаты. Он смотрел на экран, заполненный дизассемблированным кодом, на эти строчки, которые были ему роднее, чем что-либо в его нынешней жизни, и чувствовал, как внутри разверзается черная дыра. «Ты уже знаешь, кто».

Два года. Два года назад они вчетвером сидели в замызганном, продуваемом всеми сквозняками лофте в промзоне, который гордо называли офисом. Он, Рита, Влад и Егор. Четыре гения, четыре изгоя, четыре человека, которые по разным причинам не вписались в корпоративный мир и решили, что могут изменить индустрию кибербезопасности с нуля. Они создавали «Прометей» — самообучающуюся систему, способную предугадывать кибератаки на основе анализа не прямых поведенческих паттернов пользователей и сетевого трафика. Не просто продвинутый файрвол или антивирус, а настоящий цифровой иммунитет, который эволюционирует вместе с угрозами. Они горели этой идеей. Спали прямо на столах, подложив под голову куртки, питались дешевой лапшой из пластиковых контейнеров, спорили до хрипоты, до крика, до сломанных карандашей, и тут же мирились, потому что общая цель была важнее амбиций. Это было лучшее, самое живое, самое настоящее время в его жизни. Единственное, о чем стоило вспоминать.

А потом пришли они. Юристы и рекрутеры из «Aegis Dynamics» — транснационального гиганта, который решил поглотить перспективную разработку. Их безопасники, люди без

чувства юмора и с мертвыми глазами, нашли уязвимость не в коде «Прометея» — код был безупречен. Они нашли уязвимость в людях. Точнее, в нем, в Марке. Ему предложили контракт мечты. Должность ведущего архитектора систем безопасности с окладом, который превышал их общий годовой бюджет в десять раз. Бюджет на исследования, власть над огромной командой, доступ к вычислительным ресурсам, о которых стартап не мог и мечтать. И главное — признание. Мгновенное, безусловное признание мира, которое он, выскочка из бедной семьи, жаждал больше всего на свете. Патент на ключевые алгоритмы «Прометея» должен был быть оформлен на корпорацию с использованием лазейки «служебных наработок, созданных с использованием ресурсов компании». Но для этой аферы нужна была его подпись. Подпись лидера команды. Ему пообещали, что ребят не бросят, что их тоже возьмут в штат, просто чуть позже, на других, менее публичных условиях. Что так надо для сделки. Что это временно. Что все будет хорошо. Он поверил. Или, если быть до конца честным с собой, он просто убедил себя в этом, потому что очень хотел поверить. Жадность и экзистенциальная усталость — это ядовитый коктейль, разъедающий моральные принципы быстрее любой кислоты.

Он до мельчайших деталей помнил тот вечер. Косые лучи заходящего солнца, пробивающиеся сквозь грязные окна лофта, запах пыли и разогретого паяльника. Он вошел, и они сразу все поняли по его лицу. Он не смог сказать правду, потому что правда была отвратительна. Вместо этого он сказал, что проект закрыт, что дальнейшая разработка бесперспективна, что рынок не готов, и что он, Марк, уходит в другую сферу, в другое место. Он предал их не просто юридически, лишив будущего и авторских прав. Он растоптал их мечту, обесценил два года каторжного, вдохновенного труда, плюнул им в душу. Рита заплакала. Молча, без единого всхлипа. Просто встала, огромные серые глаза наполнились влагой, и вышла, не сказав ни слова. Влад запустил в стену механической клавиатурой, и та разлетелась на куски, осыпав пол дождем из кнопок. А Егор... Егор просто смотрел. Его спокойный, внимательный, ничего не выражающий взгляд был страшнее крика. Взгляд человека, который только что до конца осознал, что его мир — это тщательно выстроенная фальшивка, а его вера в дружбу — наивная глупость. Через месяц они окончательно расстались, разлетелись в разные стороны, как осколки разбитой сферы. Марк с головой ушел в новую работу, переехал в этот стерильный пентхаус, а ребята просто исчезли с радаров. Он пытался искать их какое-то время, из чувства вины или паранойи, но быстро успокоился, убедив себя, что они всего лишь неудачники, не сумевшие вписаться в жестокий рынок, и что его успех — это естественный отбор.

Теперь они вернулись. И они принесли с собой не молот правосудия, а хирургический скальпель возмездия.

Он снова посмотрел на таймер. 71:44:12. Почти пятнадцать драгоценных минут ушло на эмоции и осознание. Осознание того, что это не шутка и не учение. Принцип запущен. Это был не просто таймер обратного отсчета, это была сложнейшая криптографическая головоломка с летальным исходом. Остановить его грубой силой было невозможно. Физическое уничтожение планшета, судя по логике их кода, которую он видел, скорее всего, приведет к немедленной, необратимой активации протокола. Это было в стиле Влада — его параноидальная любовь к системам «мертвой руки». Если система чувствует агрессию, она не защищается, она мстит. Но какова логика выбора жертвы? Как вычислить, кого именно система, этот безжалостный цифровой судья, выбрала на роль козла отпущения?

«Невиновный». Кто подходит под это определение в его контексте? Случайный прохожий, первый встречный? Нет, они не террористы и не безумцы. Они были чертовыми идеалистами. Даже сейчас, пропитанные обидой, желчью и холодной, выдержанной ненавистью, они

не стали бы убивать кого-то без смысла. Жертва должна быть символичной. Удар должен прийти точно в то место, которое Марк, сам того, возможно, не осознавая, еще считает дорогим. В ту точку, разрушение которой причинит ему максимальную, невыносимую боль, сравнимую с той, что испытали они.

Кто у него вообще остался? Родители давно умерли, и он почти не горевал. Друзей нет, он растерял их всех по дороге наверх. Женщины? Череду одноразовых, взаимовыгодных связей, ни одна из которых не длилась дольше месяца и не оставила в душе ни малейшего следа. Коллеги? Он их презирал за серость и раболепие. Он сидел в своей башне из стекла и бетона, абсолютно, космически один, и в этом, как ему раньше казалось, была его главная защита. Неуязвимость. Но теперь это стало его главной уязвимостью. Играть на его чувствах было бессмысленно, потому что чувств не было. Или они нашли то, о чем он сам не догадывался?

Марка осенило. Удар должен быть направлен не на того, кого он любит (он не любил никого), а на того, кто является залогом его нынешнего существования. На ключевой, несущий элемент всей его жизненной конструкции. Его карьера? Плевать, он мог уйти в другую компанию. Его деньги? Смешно, у него их столько, что хватит на несколько жизней. Его репутация? Давно уже гнилое яблоко с глянцевым, натертым до блеска боком. Тогда что?

Он лихорадочно открыл корпоративный чат, скользая взглядом по списку контактов, проектов, встреч. И замер. Проект «Аргус». Его новое детище, его новая гордость, его пропуск в совет директоров. Глобальная система безопасности умного города, которая должна была быть внедрена в критическую городскую инфраструктуру через месяц. Сделка века. На презентации, запланированной через три дня в мэрии, будут присутствовать мэр, весь совет директоров корпорации, ключевые инвесторы и пресса. И там же будет главный инженер города, человек, который поверил в «Аргус» с самого начала, который пробил его согласование через неповоротливое бюрократическое болото, рискуя своей репутацией и пенсией. Старик по фамилии Соболев. Честный, до мозга костей, из старой, советской еще гвардии. Он был единственным, кто относился к Марку по-человечески, не из-за денег или страха, а из-за искренней, почти детской веры в то, что «Аргус» сделает город лучше и безопаснее для людей. Если «Аргус» даст катастрофический сбой во время презентации, если из-за ошибки в коде произойдет авария, то Соболева не просто уволят с позором. Его сотрут в порошок, уничтожат, сделают козлом отпущения. Его имя станет синонимом чудовищного провала. А инфаркт? В его-то возрасте, при его гипертонии и изношенных нервах — более чем вероятный исход. Красиво. Умно. Не пуля в затылок, а изощренное, многоходовое репутационное убийство с отсроченным летальным эффектом. Контрольный выстрел в совесть, о существовании которой Марк уже забыл.

Или это слишком очевидно? Ребята всегда были умнее и хитрее его. Они всегда мыслили на три, на четыре шага вперед. Может, жертва — это он сам, и таймер — лишь способ заставить его помучиться неизвестностью, прежде чем планшет взорвется у него в руках, выплеснув направленный заряд? Но это не в их стиле. Это было бы слишком просто, слишком милосердно. Мгновенная смерть — это не возмездие, это избавление. Им нужен не его труп, им нужна его агония. Вечная, публичная, сжигающая дотла. Агония осознания того, что он сам запустил механизм, убивший единственного человека, который еще верил в него.

Он начал лихорадочно анализировать код, пытаясь найти «адресную книгу» таймера. Куда уйдет сигнал активации? На что он завязан? Он запустил эмулятор среды, пытаясь обмануть таймер, подсунуть ему ложное системное время и ложные данные о местоположении. Система отреагировала мгновенно и агрессивно, увеличив скорость обратного отсчета в гео-

метрической прогрессии. Час ушел за минуту. Марк в панике откатил изменения, едва успев сохранить драгоценное время. Пот выступил на лбу, заливая глаза, дыхание стало частым и поверхностным. Снова этот запах. Ему казалось, что в квартире пахнет лофтом. Запах жженого дешевого кофе, канифоли и старого дерева.

Он метался по квартире, как загнанный в клетку зверь, меряя шагами пространство от окна до двери. Вспоминал. Пытался найти ключ к разгадке в прошлом. Однажды, в самом начале работы над «Прометеем», глубокой ночью, они спорили об этике создаваемых систем. Рита, с горящими от усталости и вдохновения глазами, сказала: «Если мы создадим по-настоящему идеальную, автономную систему безопасности, она должна иметь встроенный модуль наказания. Иначе грош ей цена. Без права вето на зло добро бессильно». Влад тогда рассмеялся своим лающим смехом и добавил: «Наказание должно быть соразмерно преступлению. Око за око — это слишком примитивно для нашего уровня. Нужно, чтобы преступник сам, своими руками, запустил механизм своей гибели, даже не подозревая об этом. Чтобы каждое его действие приближало финал». Егор тогда промолчал, но Марк помнил его внимательный, изучающий взгляд.

«Сам запустил механизм».

То есть он уже сделал это. Два года назад, когда поставил свою подпись под предательскими документами, он запустил невидимый таймер, о котором даже не подозревал. Этот черный планшет — лишь последняя, видимая часть сложнейшего, распределенного кода, который все это время тихо выполнялся в фоновом режиме их жизней, собирая информацию, анализируя его действия, ожидая идеального момента для удара. Они ждали. Терпеливо, методично, с ледяным расчетом. Позволили ему построить головокружительную карьеру, вкушать все прелести богатства и власти, забраться как можно выше. А теперь, когда он достиг пика и стоит на пороге величайшего триумфа, настало время платить по счетам. Чтобы падать было больнее.

Таймер показывал 71:02:33. Времени почти не осталось, хотя прошел всего лишь час с того момента, как он открыл дверь.

Марк вдруг рассмеялся. Смех был сухим, лающим и неприятным, эхом отразившимся от пустых стен пентхауса. Впервые за много лет он почувствовал что-то, отдаленно похожее на возбуждение. Не страх. Не ужас перед неизбежным. Чистый, незамутненный азарт. Это была задача. Сложнейшая, смертельно опасная, не имеющая очевидного и простого решения. Задача, ради которой он когда-то и стал инженером, а не ушел в менеджмент, как все нормальные люди. Он не мог взломать код напрямую — они предусмотрели все его ходы, — но он мог взломать их замысел. Он знал их троих. Знал их слабости, их логику, их неповторимый стиль. Знал, как они думают, что любят, что ненавидят. Они оставили ему подсказку. Не из жалости — они никогда не были жалостливы. Из гордости. Из желания, чтобы он, их бывший лидер, понял, кто его судит, и за что именно. Они хотели сыграть с ним в последнюю, смертельную партию в шахматы, где на кону не фигуры, а жизни.

Он подошел к панорамному окну. Город внизу, укутанный серой утренней дымкой, жил своей обычной, ничего не подозревающей жизнью. Машины, люди, дроны-доставщики. Бесконечный, кишачий муравейник. Они не знали, что в башне из черного стекла сидит человек, который сейчас решает уравнение, в котором одна из переменных — человеческая жизнь. А возможно, и не одна. И от того, решит ли он его, зависит, прольется ли кровь.

«Когда дойдет до нуля, умрет невинный. Ты уже знаешь, кто».

Он поднес планшет к лицу почти вплотную, глядя в черный зрачок спрятанной где-то под стеклом фронтальной камеры.

— Ну давай, — прошептал он в эту бездну. — Давай поиграем. Вы хотите, чтобы я вспомнил. Я вспомню. Я вычислю вашу логику, шаг за шагом. Я разберу этот таймер по винтикам, по строчкам кода, по вашим жалким обидам. Я докажу, что вы ошиблись, выбрав такой путь. Я спасу его. Или ее. Или себя.

Он резко развернулся, подошел к бару и налил себе виски. Плеснул на два пальца в тяжелый хрустальный стакан. Рука дрожала, стакан мелко звенел о столешницу. Он посмотрел на дрожащие пальцы с гримасой отвращения. Слабость. Непозволительная, унижительная слабость. Он вылил виски в раковину, не сделав ни глотка. Алкоголь сейчас был не союзником, а врагом. Затем достал из сейфа защищенный ноутбук — старую модель без подключения к сети, которую держал именно для таких темных дел. Начал открывать старые, пыльные архивы, файлы с тегами «Прометей», «Лофт», «Общее». Он хранил их на изолированном сервере с воздушным зазором, который стоял в кладовке. Не из сентиментальности — из чистой паранойи. Думал, вдруг пригодятся как компромат или страховка. А теперь этот цифровой склеп стал единственным ключом к спасению.

Таймер на планшете вдруг мигнул. Впервые с момента запуска интерфейс изменился. Цифры на мгновение погасли, и на белом экране проступила короткая строка текста, набранная тем же безжалостным шрифтом:

«Помнишь Нулевой День?»

И снова цифры. 70:58:44. Время утекало, как вода сквозь пальцы.

Сердце пропустило удар и замерло в груди, прежде чем понестись вскачь. «Нулевой День». Их личная, священная кодовая фраза. День, когда они, еще будучи самонадеянными юнцами, впервые тестировали сырую версию «Прометей» на реальной угрозе и случайно, из-за ошибки в конфигурации, чуть не обрушили локальную сеть мэрии, перепутав безобидный трафик с распределенной атакой. Они тогда чудом, буквально за минуту, откатили изменения и избежали не только увольнения, но и уголовного преследования. Они поклялись друг другу, что никто и никогда не узнает об этом инциденте. Это была их общая тайна, скрепившая дружбу крепче любой клятвы на крови. И вот теперь эта фраза, брошенная с экрана планшета, как напоминание о той клятве, которую он первым и нарушил.

Точка невозврата была пройдена не тогда, два года назад, и не сегодня утром. Она была пройдена прямо сейчас. Потому что он принял правила игры. Он ответил на вызов.

72 часа до ада. До момента истины. И он знал, что проиграет только в одном случае: если не успеет понять, кого именно он обрек своей жадностью и трусостью. И кто из троих его бывших друзей написал этот смертельный, безупречный алгоритм. А может, они написали его вместе, слив свои гениальные, искалеченные предательством умы в единый инструмент мести. Один гений — это опасность. Три оскорбленных гения, объединенных общей ненавистью и тремя годами на подготовку — это цифровой апокалипсис.

Марк закрыл глаза. Перед внутренним взором, как навязчивая голограмма, всплыли лица. Заплаканные глаза Риты, в которых застыл немой укор. Искажённое гневом, багровое лицо Влада, готового разорвать его голыми руками. И спокойное, пустое, почти медитативное лицо Егора. Кто из них держит палец на кнопке уничтожения его мира? Кто из них способен хладнокровно ждать два года, чтобы нанести один-единственный, неотразимый удар? Или все трое смотрят сейчас в мониторы, затаив дыхание, и ждут, когда же он начнет свою партию?

Таймер щелкал секундами с ритмичностью метронома. Где-то там, в глубине лабиринтов изящного, смертоносного кода, спал летальный триггер. И у Марка было чуть меньше семидесяти одного часа, чтобы найти его и отменить. Или не найти и принять последствия. Третьего, как любил говорить Влад, не дано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.